УДК 329

Джиоева В.А., асп.

Особенности партийного строительства в постсоветской России: сравнительный анализ

Статья посвящена особенностям становления и развития современных российских политических партий, влияющих на характер партийного строительства, внутренней структуры, комплектования, парламентской и внепарламентской деятельности.

Ключевые слова и фразы: партийное строительство, постсоветская Россия, избирательный процесс, многопартийность.

История знает два основных типа партийного строительства. Рассмотрим более подробно их специфику. Первый тип, характерный для англо-саксонских обществ (США, Великобритания, Канада и др.), идеален в условиях давних традиций гражданского общества, высокой политической культуры и ответственности граждан. Он характеризуется происхождением партий из представительских союзов, выражавших интересы определенных групп населения. В процессе предоставления избирательных прав все новым и новым категориям граждан развивались и политические партии, поскольку появлялась необходимость подтверждения того факта, что партии защищают интересы не только их первоначальных инициаторов, но и всего населения в целом. Соответственно, развивалась и конкуренция между партиями за голоса избирателей.

Здесь стоит отметить, что тип партий как представительских союзов в наибольшей степени отвечал потребностям западных протестантских обществ, система ценностей которых основывалась на индивидуализме и, одновременно, уважении прав других индивидов, на самодисциплине и ответственности за свое будущее. Гражданское общество в Англии, в частности, вплоть до усложнения политической системы в XIX в., фактически выполняло многие функции государства: так, в частности, в стране до 20-х гг. XIX в. отсутствовала полиция, т.е. государственные правоохранительные органы, а обязанности по борьбе с преступностью и поддержанию правопорядка выполняли сами граждане. Столь высокий уровень гражданской ответственности, в совокупности с высоким уровнем политических свобод, способствовал тому, что политические партии появлялись как инструмент представительства интересов определенных групп населения и были направлены, прежде всего, на реализацию данных интересов, а не на претворение в жизнь проектов по коренному демонтажу общественного строя и построению «нового общества».

Несколько другая модель партийного строительства получила развитие в романоязычных странах, в государствах Центральной Европы, где существовала более жесткая и централизованная система государственного управления, развитые бюрократические институты, тогда как общественность фактически была лишена реальной возможности влияния на политический процесс. В этой связи партии начинали свою историю с небольших групп сторонников какого-либо конкретного проекта социально-политического устройства общества, будь то консервативно-охранительный, либеральный или социалистический (коммунистический) проекты. В случае возникновения спроса на определенную идеологию в обществе, вокруг создателей данных групп/кружков, которые практически все представляли собой интеллигентские слои, собиралось более значительное количество сторонников, и группа

преобразовывалась в партию, которая, в свою очередь, приобретала определенную социальную базу.

Во Франции, Италии, Испании политические партии отличались большей, чем в англосаксонских странах, поляризованностью и идеологизированностью. От англосаксонской модели партийного строительства их отличал, в первую очередь, массовый характер партий, тогда как партии Великобритании и, в еще большей степени, США, сложно назвать массовыми в том смысле, в каком ими являются социалистические, коммунистические, национал-консервативные партии континентальной Европы. Стоит отметить, что в континентальной Европе политические партии отличались и большим радикализмом, чаще были склонны к массовым акциям. Именно в Италии, Франции, Греции были традиционно сильны позиции левых – коммунистических и леворадикальных – троцкистских и анархистских движений, направленных на кардинальные перемены в социально-экономической и политической жизни общества.

Россия, как мы можем наблюдать, исходя из анализа особенностей ее исторического развития, относится ко второму типу стран, причем в ней, в гораздо большей степени, чем даже в романских странах Европы, были неразвиты институты гражданского общества. Возможность представительства интересов в дореволюционной России просто отсутствовала, в связи с чем все политические партии, появившиеся после Манифеста 1905 г., выросли из небольших кружков интеллигенции, организованных на основе идеологии. Вместе с тем, далеко не все партии смогли эффективно позиционировать себя на политической сцене и в эпоху драматических событий 1917 г. верх взяла РСДРП (б), которая в наибольшей степени, чем другие партии, смогла создать эффективную внутреннюю структуру с высоким уровнем дисциплины и постоянно растущей (в силу продолжающейся индустриализации страны) социальной базой – пролетариатом, привыкшим, в отличие от крестьянства – базы ПСР, к дисциплине и жесткой формальной иерархии. Собственно, последнее и стало залогом успешного прихода партии большевиков к власти и удержания власти в руках РСДРП (б).

Ситуация с формированием политических партий в постсоветской России многим напоминала начало XX в., и прежде всего, отсутствием гражданского общества, специфической психологией и поведением людей, воспитывавшихся десятилетиями в условиях однопартийной системы, полностью контролировавшей политическую жизнь страны и сурово каравшей любые проявления инакомыслия. Но, как бы не была схожа ситуация, реальное партийное строительство в постсоветской России значительно отличалось от той модели интеллигентских клубов, которая была присуща России дореволюционной или другим похожим государствам. Да, в конце 1980-х гг. сформировалось бесчисленное количество клубов, претендовавших на роль политических партий и представлявших всю богатую палитру политических идеологий – от монархизма до анархизма. Но действительно крупными и эффективными смогли стать лишь те партии, которые руководствовались в своем строительстве иными принципами. А точнее, наследовали патронажно-клиентельную модель позднесоветского периода, когда вокруг крупной политической фигуры формировался целый слой клиентов различного ранга и уровня.

Тому способствовала и соответствующая атмосфера в стране, где, начиная с эпохи «застоя», с 1970-х гг., бюрократические институты руководствовались не столько законом, сколько соображениями чиновной субординации, клановых связей и т.д. Как справедливо отметил М. Афанасьев, ««клиентелизм питается, а часто целенаправленно паразитирует на недоверии людей к официальным институтам и фор-

мам социальной интеграции. Не случайно именно социологи, работающие с проблематикой развивающихся стран и полагающие главной проблемой их устойчивого развития расширение и институционализацию общественного доверия, увидели и концептуализировали тот момент в социальном содержании, в интенции патронклиентных отношении, который делает их постоянным спутником цивилизации» [1]. Клиентелизм – одна из сопутствующих характеристик современного российского общества, в еще большей степени присущая многочисленным национальным регионам, входящим в состав РФ и сохраняющим искаженные черты традиционных обществ. Так, северокавказские республики Российской Федерации сегодня демонстрируют чудеса единомыслия населения, когда за списки «партии власти» в них подаются по 80-90% голосов избирателей (что невозможно, если судить согласно классическому представлению о демократической политической системе, но вполне объяснимо, учитывая, что население данных регионов голосует, руководствуясь примером «патронов», находящихся в клиентельных отношениях с федеральным центром).

Мы акцентируем внимание на природе патронажно-клиентельных отношений не случайно. Дело в том, что сама специфика внутрипартийной организации «партии власти» свидетельствует о ее клиентельном характере. Так, с самого начала «Единая Россия» и, в еще большей степени, связанные с ней молодежные организации, позиционировали себя не в качестве сторонников какой-либо конкретной политической идеологии, а в качестве сторонников персонально В.В. Путина. Именно Путин и стал идеологией и знаменем партии, без чего последняя вряд ли могла бы рассчитывать на серьезную поддержку во время выборов. Фактически, членство в «Единой России» за период 2000-х гг. превратилось в негласную обязанность любого заметного чиновника, регионального руководителя, даже представители бизнеса сегодня осознают, что благополучие их дела зависит от поддержки ими «Единой России», точнее – правящей элиты, с которой и ассоциируется данная партия. Разумеется, что если элита внезапно сменит внешние идеологические атрибуты, поменяет название партии, то все сторонники последней поддержат данное решение не как политические активисты, а как подчиненные, винтики единого управленческого механизма. Старостин и Понеделков подчеркивают, что полный контроль элиты над политической системой страны привел к такой ситуации, когда политические предпочтения населения не имеют никакого значения при формировании органов власти, включая и власть законодательную. «Несанкционированное» поведение избирателей, под которым можно подразумевать голосование за оппозиционные партии, стремительно пресекается с помощью административного ресурса еще на этапах подсчета голосов и обработки документации избирательных комиссий [2]. Таким образом, «структура социально-политических интересов общества, закрепленная в деятельности ведущих политических партий и общественных движений, никак не отражается в механизмах формирования и структуре органов власти» [2].

Из российских политических партий лишь КПРФ обладает развитой иерархической структурой, позволяющей более-менее эффективно управлять региональными отделениями по классическому для политической партии типу. Что касается «Единой России», то, несмотря на кажущуюся внутреннюю структурированность и дисциплинированность, данная партия не может быть определена как иерархическая структура. Хотя бы в силу специфики ее функционирования, когда формальные руководители партии фактически не имеют никакого реального влияния не то что в масштабах страны, но и в масштабах собственно внутрипартийных.

Собственно, вся история «партии власти» в постсоветской России – это история замены одного «лейбла» другим, после чего первый либо прекращает свое су-

ществование (как случилось с НДР), либо превращается в маргинальную организацию (ДВР, ПРЕС). На примере многих политических фигур, прежде занимавших видные посты в «партии власти», но покинув ее, полностью утративших былое политическое влияние, становится ясно, что не политики придают силу «партии власти», а партия укрепляет позиции данных политиков, которые по сути являются обычными чиновниками, назначенными на посты депутатов от «партии власти» (примеры Е.Гайдара, В.Рыжкова, Б.Немцова свидетельствуют, что как только данные фигуры перемещаются из спектра «партии власти» в оппозицию, то сразу же теряют реальное политическое влияние, стремительно маргинализуясь: Б.Немцова, бывшего вице-премьера и губернатора, часто можно наблюдать на митингах внесистемной оппозиции, включая «лимоновцев» и «анпиловцев», которые прежде выступали в качестве злейших врагов либеральных «молодых реформаторов»).

В заключение мы можем сделать следующие основополагающие выводы:

Партийное строительство в политической системе современной России имеет целый ряд специфических характеристик, обусловленных особенностями исторического развития российской государственности и, прежде всего, отсутствием традиции многопартийности как представительства интересов различных социальных групп населения. Демократические реформы 1990-х гг., в результате которых в России оформились политические партии, не означали превращения последних в реально влиятельный политический институт. Большинство действующих в настоящее время парламентских политических партий создавались по инициативе «сверху», являясь продуктом элитных групп. Ключевую роль в партийном строительстве современной России играют патронажно-клиентельные отношения и административный ресурс, ставящие данный процесс в прямую зависимость от правящей элиты. Фактически «партия власти» в России не является политической партией, представляя собой конгломерат фракций и групп политико-экономической элиты и выполняя функции по легитимации господства элиты, обеспечению электоральной поддержки на президентских и парламентских выборах.

Литература

1. Афанасьев М.Н. Клиентарные связи против отчуждения // Альманах «Восток», № 4 (16), 2004. // http://www.situation.ru/app/j_art_384.htm

2. Старостин А., Понеделков А. Современные российские элиты: особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти. //http://www.polit.ru/article/2004/03/24/polit_studies/

УДК 947

Попов С.А., асп.

Влияние политико-экономической ситуации на развитие торговых отношений в России как прообраз будущего предпринимательства: VI – начало XX вв.

В статье дан анализ влияния политико-экономической ситуации на развитие торговых отношений и предпринимательства в России. Показан путь развития торговых отношений от меновой торговли до становления единого национального рынка и индустриализации страны. Рассмотрены предпосылки зарождения предпринимательства в России.

Ключевые слова: торговые отношения, предпринимательство, политико-экономическая ситуация, становление предпринимательства.